

СТЕПЕГО

I.

Холодная, продуваемая всеми ветрами степь окружала его со всех сторон; казалось, что мир всегда состоял лишь из серого однотонного неба, желтой выгоревшей травы и самого Баав-Эвчей, облаченного в шитые кое-как жалкие шкуры, окрашенные ярко-фиолетовой краской. Пронизывающий морозный ветер заставлял его натягивать обрывки этого странного наряда на незащищенные от ветра места его исхудавшего большого тела, оттого за долгие большие луны его скитаний его плащ превратился в кучку лоскутов. Он сшивал их заячьими жилами и сухой соломой, но за один дневной переход все рассыпалось, и каждую ночь приходилось проделывать это снова.

В его теле уже давно не осталось энергии для питания его поврежденного с рождения мозга, и круглые сутки он проводил в полусознательном состоянии, и перед его мысленным взором крутились бессвязные сны, состоящие из воспоминаний давно минувших дней, наслаивавшиеся на образы с его органов чувств; единственное, что он видел, слышал и чувствовал все эти дни — степь.

Степь.

Она высасывала все человеческое из тех, кому не посчастливилось забрести сюда — она оставляла лишь оболочку, наполненную животными инстинктами. Нередко этих опустошенных встречают в окраинных поселениях — они в поисках пропитания могут бродить месяцами по степи, проходя тысячи верст в сутки без перерыва на отдых и сон, с единственной мыслью — найти еду. Такие шатуны заглядывают в обнищавшие деревни, пугая народ и сжирая большую скотину, и зачастую эта трапеза становится последней в их жизни — их отстреливают и сжигают как нечисть.

Баав-Эвчей, благодаря своему недугу, смог сохранить единственную мысль, напоминавшую о его человеческом прошлом — идти в одном направлении. Он вошел в степь много ночей назад и за это время ни на градус не изменил направление своего похода. Он шел, куда ему указали.

II.

В ту ночь, машинально зашивая куски своего наряда, впервые за две малые луны он учуял запах теплой плоти. Его тело руководствовалось только животными, примитивными инстинктами, и единственное, что помнил его мозг — умение разжигать огонь на ночь для спасения от сухих степных морозов, сшивать шкуры и направление его похода. Все так же бессознательно он отложил свою работу и резким лисьим движением напрыгнул на небольшого жилистого зайца, присевшего погреться у тлеющего костра. Он крепко сжал его в своих когтистых грязных руках, уже давно переставших напоминать человеческие, машинально свернул ему шею и тут же впился зубами в горячую заячью плоть. Много больших лун назад он перестал свежевать убитую дичь, еще раньше — готовить на костре. Он выедал все без остатка, не оставляя даже шкуры.

Как только низкое пасмурное небо стало светать, он снялся со своего пристанища и под аккомпанемент сотен звуковых и визуальных галлюцинаций начал идти туда, куда ему указали. Его звериный разум был счастлив, его тело пребывало в сытом блаженстве и оттого на его лице вырисовался оскал, напоминающий человеческую улыбку. В руках он держал кости, оставшиеся от своей ночной трапезы, и каждые несколько часов отправлял в ухмыляющуюся пасть небольшую горсть костяных обломков — неосознанно его разум старался растягивать ценную белковую пищу. Шкуру он привязывал к своей накидке, и периодически соскребал с мездры остатки жира и пленок. До следующей удачной охоты ему предстояло питаться сухими степными растениями.

III.

Тяжелое нависшее небо подарило степи живительную влагу. Едва почувствовав прикосновение капель к его сморщенному, обезвоженному телу, он издал звериный визг, полный упоения и благодарности степным богам. Он скинул весь свой фиолетовый наряд, давая обнаженному телу напиться. Он быстро нашел небольшое углубление в травянистом степном покрове и припал лицом к его дну, ожидая, когда дождь наполнит для него лужу. Напившись вдоволь, он, пребывая в дикой эйфории от удовлетворения жажды, отплясывал безумный танец благодарения, обращенный к степному небу.

IV.

Наверное, прошло уже полторы великой луны с момента последней человеческой мысли в здоровом сознании, прежде чем он увидел то, к чему шел. На горизонте медленно начал возвышаться громадных размеров столб, вершина которого терялась в сизых облаках. Это строение было неестественного черного цвета, настолько черного, что невозможно было разглядеть детали или рельеф постройки, казалось, что это и не материальный объект вовсе, а тень, дыра в ткани пространства, нечто, открывающее доступ к иному.

Сознание Баав-Эвчей прояснилось, длань вечных, непрекращающихся ни на миг сновидений спала и в его поврежденном мозгу завертелся вихрь всевозможных мыслей и процессов, привычных здоровому человеку. Он вспомнил родной язык, свое имя, события минувших лун. Его спина распрямилась, руки оторвались от земли, взор прояснился и он зашагал ускоренным шагом по направлению к столбу.

Он не останавливался на ночь, и шагал по замерзшим травяным кочкам, пугая редких ночных степных хищников, снующих в высокой траве. Его волосы, поросшие за эти луны по всему телу, заиндевели, швы на шкурах разошлись, а наутро на ладонях и ступнях набухли красно-красные нарывы, но он неуклонно продолжал двигаться к обетованному обелиску. В его чистой, омытой от галлюцинаций и внутреннего диалога голове была лишь одна мысль — идти туда, куда ему указали.

Спустя сутки непрерывной ходьбы из-за горизонта показалась еще часть этого циклопического строения — стена, окружающая основную башню, с восемью гигантскими проемами. Она состояла из того же аномально черного материала и все строение виделось как нечто бесконечно тяжелое и недвижимое, оно было более реальным и естественным, чем вся окружающая действительность, и Баав-Эвчей ощущал себя абсолютным ничем по сравнению с Ним.

V.

На следующее утро, когда стало проясняться и можно было различать детали окружающей действительности, Баав-Эвчей обнаружил (если он еще мог делать такие умозаключения, потому что чем ближе он приближался, тем сильнее очищался его разум и тем меньше и меньше оставалось в нем места, свободного от единственной мысли о Нем), что до обетованного столба оставались считанные версты. Можно было разглядеть, что поверхность внутри стен абсолютно фиолетовая, но приближившись еще ближе, стало ясно, что она устлана сотнями тысяч тел разной степени разложения, одетых в фиолетовые одежды. Чем ближе он подходил к одной из арок, тем меньше его слушалось его собственное иссохшее тело, которое все еще было живо благодаря невообразимой силы его мысли о Нем (Том?), и эта мысль тащила истощившийся кусок плоти все ближе и ближе к столбу. Он ничего не ел и не пил одну или две малые луны, а стопы, благодаря непрерывному бегу в течение последних суток, стерлись в кровь. Отмершая, отмороженная от ночных переходов плоть облезала кусками, а чтобы получить хоть какую-то энергию для ходьбы, тело начало пожираться сначала ненужные мышцы организма, а потом и само себя, начав с внутренних органов.

Проходя сквозь одну из арок, он вступил в область внутри малых башен. Круг, радиусом в несколько верст был полностью застлан телами. Все они были в фиолетовых одеяниях (или том, что от них осталось), и их было настолько много, что они лежали в несколько слоев, и по мере приближения к столбу эта куча тел возвышалась все выше и выше. Они медленно истончались и обескровливались, плоть превращалась в пыль, обнажая белоснежные кости, а затем и они крошились и обращались в прах. Но ни одно тело не начинало гнить, пожираться трупными червями или источать гнилостные миазмы (внутри стен вообще не было ни запахов, ни малейшего движения воздуха): они мумифицировались, превращаясь в стерильные оболочки для сознания, пребывающем в вечном блаженстве. На каждом из лиц была различна абсолютная эйфория и бесконечная безграничная нега, будто в каждом из этих трупов шевелилась жизнь.

Ступив шагов по телам отправившихся, его тело безжизненно упало после того, как все его сознание заполнила мысль о Том, не оставив места на такие мелочи как функционирование органического тела. Его ненужное сердце пару раз качнуло кровь, все его ненужные мышцы в последний раз сократились, оставив на лице улыбку полную счастья и абсолютного жизненного наслаждения.